

А. К. Кириллов

**ПРИСУТСТВИЯ ПО ПРОМЫСЛОВОМУ НАЛОГУ
КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
И ЧИНОВНИКОВ В РОССИИ НАЧАЛА XX В.
(НА МАТЕРИАЛАХ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)***

doi: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-55-63

УДК 94(571.16)“19” ББК 63.3(285.3)53

В раскладочных присутствиях, ведавших в дореволюционной России промысловым налогом, происходило взаимодействие предпринимателей (выборных представителей плательщиков налога) и чиновников (податных инспекторов), совместно определявших размер дополнительного налога с каждого из плательщиков. Однако историками фактически не изучен механизм выработки этих решений. При этом для такого исследования имеются необходимые источники: часть плательщиков подавала возражения на раскладку налога, и по итогам их рассмотрения раскладочное присутствие было обязано изложить свои соображения в специальном журнале. Статья основывается на анализе коллекции журналов одного из раскладочных присутствий Томского уезда, отличающихся на редкость подробным изложением результатов обсуждения возражений. Доказано, что присутствие, не используя право отказа по формальным причинам, оказалось способным оценить все поданные возражения со знанием дела. Во многих случаях необходимые для этого сведения поступали именно от выборных членов присутствия. Нередко источником сведений оказывались торговые депутаты (выборные представители предпринимателей, не входящие в состав раскладочного присутствия) или «сведущие лица», привлеченные податным инспектором либо выступившие по собственному почину. Как правило, инспектору удавалось успешно взаимодействовать с предпринимателями благодаря чувству конкуренции, побуждавшему их указать на неявные прибыли соседа. Но в некоторых случаях, когда интересы плательщиков ущемлялись действиями властей, предприниматели проявляли профессиональную солидарность и добивались снижения налога.

Ключевые слова: Россия, начало XX в., экономическая история, налоговая реформа, податное присутствие, торговые депутаты

Когда речь заходит об отношениях государства и предпринимательства, естественным кажется представлять их как две самостоятельные силы, существующие отдельно друг от друга. Но в дореволюционной России действовали учреждения, которые объединяли эти силы в единое целое — присутствия по промысловому налогу (уездные податные присутствия, или раскладочные присутствия).

Парадоксальность их заключается в том, что от этих органов зависел размер налоговых платежей в бюджет, однако состояли они в большинстве своем из людей, заинтересованных в том, чтобы платежи эти были как можно меньше, — из выборных представителей платель-

щиков промыслового налога, взимавшегося с предпринимателей. На шесть выборных в присутствии приходилось лишь два чиновника, и в спорных случаях предусматривалось принятие решений большинством голосов. Плательщики налогов, таким образом, становились частью государственного податного аппарата.

Общие сведения о российских податных присутствиях можно найти в монографии и статье одного из ведущих современных исследователей этой темы Е. С. Кравцовой.¹ Особое внимание присутствиям по промысловому налогу уделяет Я. Коцонис. Он пытается оценить степень их результативности по официальным российским данным за 1912 г. Они показывают, что мнения инспекторов и членов присутствия по вопросу о назначении суммы дополнительного раскладочного сбора разошлись лишь в одном случае из тысячи; противостояние между

*Кириллов Алексей Константинович — к.и.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск)
E-mail: alkir.nsk@gmail.com*

* Статья подготовлена при поддержке Новосибирского государственного технического университета, проект № ТП-ИиП-1_25. Автор выражает благодарность коллективу Государственного архива Томской области и лично Анастасии Геннадьевне Караваевой за всемерное содействие в доступе к документам

¹ См.: Кравцова Е. С. История сбора налогов в российской провинции на рубеже XIX–XX столетий. Курск, 2007; Она же. Специфика деятельности податных присутствий в Российской Империи в конце XIX — начале XX в. // Исторические вызовы и экономическое развитие России. Екатеринбург, 2019. С. 217–222.

присутствием в целом (инспектор плюс выборные члены) и плательщиком отмечалось не более чем в 5 % случаев. Сравнивая эти показатели с прусскими данными (13 % за 1892–1897 гг.), Коцонис приходит к мысли об относительной бесконфликтности российских раскладочных присутствий.² Тонкий знаток дореволюционного предпринимательства А. Г. Киселев использует материалы раскладочных присутствий по рассмотрению жалоб плательщиков для описания деловой культуры предпринимателей.³ В рамках исследовательского проекта под руководством Л. И. Бородинки материалы, связанные с возражениями плательщиков подоходного налога, использовались для оценки достоверности данных о доходах горожан начала XX в.⁴

К теме настоящей работы наиболее близки две статьи, опубликованные по итогам защищенной четверть века назад кандидатской диссертации М. Лэмб.⁵ Речь в этих статьях идет про английский «сбор с доходов, получаемых от имущества, профессий, торговли и должностей». Этот сбор весьма похож на то, что в России начала XX в. называлось промысловым налогом и собиралось в первую очередь с предпринимателей. Так же, как и в России, он опирался на систему подачи налоговых деклараций и их проверки специальными органами с преобладанием выборных от общества. Как сообщает Лэмб, одним из типовых методов определения прибыли комиссионерами являлось суждение по аналогии. Другой предполагал заведомое завышение прибыли: если даже плательщик не соглашался, апелляция вынуждала его приводить какие-то доводы, в результате чего появлялся материал для обсуждения.⁶

Так же, как в России, у английских плательщиков было право обжаловать начисленную им сумму в нескольких инстанциях, и они этим правом пользовались. Все семь споров по вопросу об определении прибыли, разбираемых

Лэмб, взяты из числа тех, что достигли высших арбитражных инстанций в 1870-е гг. По заключению исследователя, они стали важным этапом внедрения именно формальных способов работы налоговиков, опирающихся на письменные документы и передовую бухгалтерию. Так определение налогов по личному усмотрению агентов правительства сменялось «правильной дисциплиной» нового времени.⁷

То, что материалы податных присутствий до сих пор не привлекли пристального внимания историков, можно объяснить крайней редкостью источников о практической работе этих учреждений. Обремененные своими обширными обязанностями, руководители этих присутствий старались не тратить много времени на оформление принимаемых решений. Поэтому обсуждение поданных налоговых деклараций вообще не отложилось в источниках, хотя частое повышение присутствиями заявленных плательщиками сумм заставляет думать, что какие-то доводы в пользу этого выдвигались. Присутствие не обязано было объяснять причины недоверия плательщику, но если плательщик подавал возражение против начисленной ему суммы, присутствию приходилось заполнять специальный бланк «Журнала заседаний по рассмотрению возражений», отпечатанный типографским способом. Один из пяти его столбцов отводился под «мотивированное заключение раскладочного присутствия», другой — под постановление общего присутствия казенной палаты, куда заключение передавалось на утверждение. Участковому присутствию, таким образом, предлагалось обосновать предлагаемое решение достаточно убедительно, чтобы палата могла на этой основе составить собственное мнение. Личные подписи членов участкового присутствия и общего присутствия казенной палаты были неотъемлемой частью документа. Вместе с «журналами заседаний» сохранялись и жалобы заявителей. В стране действовали сотни таких присутствий, которые за время своей работы успели сформировать, по-видимому, десятки тысяч «журналов заседаний». Сохранилась лишь небольшая часть этих документов, но и она создает основу для изучения практической работы присутствий.

Настоящая статья опирается на материалы раскладочных присутствий Томской губернии

² См.: Yanni Kotsonis. *States of Obligation: Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic*. Toronto, 2014. P. 133, 136.

³ См.: Киселев А. Г. Сибирская фирма: определение прибыли и убытков (конец XIX — начало XX в.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15 (196). Серия: История. Вып. 40. С. 64–67.

⁴ См.: Кириллов А. К., Косых Е. А., Резникова М. А. Податное присутствие в споре с налогоплательщиками: выяснение доходов томичей, полученных в 1916 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 1. С. 80–87.

⁵ См.: Lamb M. *Tax practice in the United Kingdom and the Emergence on Interrelations between Accounting and Taxation of Business Profits*: unpublished PhD thesis. 1997.

⁶ См.: Lamb M. “Horrid appealing”: accounting for taxable profits in mid-nineteenth century England // *Accounting, Organizations and Society*. 2001. № 26. P. 288.

⁷ “These practices formed the basis for the disciplinary power of the modern Revenue and supplanted taxation based on the exercise of sovereign power”. См.: Margaret Lamb. *Defining “Profits” for British Income Tax Purposes: a Contextual Study of the Depreciation Cases, 1875–1897* // *The Accounting Historians Journal*. Vol. 29, № 1 (June 2002). P. 164.

начала XX в. Реформа 8 июня 1898 г. придала налогу с предпринимателей и окончательное название, удобное своей лаконичностью (промысловый налог), и окончательную структуру. Именно с этого момента от работы раскладочных присутствий стало зависеть не только распределение назначенной на участок суммы «дополнительного раскладочного сбора» между отдельными плательщиками, но и общий по участку размер «сбора с излишка прибыли». Сумма дополнительного раскладочного сбора никак не зависела от членов присутствия, но ее распределение затрагивало интересы отдельных плательщиков, поскольку сумму, сложенную с плательщика в случае удовлетворения его возражения, следовало разложить на более зажиточных плательщиков. Вместе с тем сумма сборов с излишка прибыли в случае уменьшения вмененного плательщику дохода сокращалась. Это означает, что именно после реформы 1898 г. присутствия в полной мере стали воплощать тот замысел общественного участия в государственных делах, о котором шла речь в начале статьи.

Томская губерния начала XX в. представляла собой весьма обширную местность, занимавшую половину всей Западной Сибири. Уже в XIX в. она была достаточно развита в экономическом отношении, а после появления в 1890-е гг. Транссибирской железной дороги, облегчившей приток переселенцев и ускорившей обмен грузами, юг Томской губернии стал одним из самых быстроразвивающихся российских регионов. «Страна каторги и ссылки» превратилась к началу XX в. в полноценную российскую провинцию. Судя по отчету податного ревизора Д. Л. Киреевского за 1902 г., дело проверки возражений в местных присутствиях здесь «было поставлено прекрасно», в том числе и по части разбора возражений, которые обсуждались «чрезвычайно обстоятельно и жизненно».⁸

Однако сохранность источников о деятельности различных податных участков далеко не одинакова. Дела из архивного фонда Томской казенной палаты позволяют работать с материалами за отдельные годы, сохранившимися от раскладочных присутствий в городе Томске, а также в Томском, Змеиногорском, Кузнецком и Бийском уездах. При этом в удаленных от Томска уездах число обжалований не превышало десятка в год, и лишь город Томск и Томский уезд дают богатую информацию для

исследования. Помимо географического, заметную роль играл и личный фактор.⁹ В самом Томске, где действовал инспектор К. Грузинов, возражения хотя и обсуждались обстоятельно, но излагались в журнале кратко. Журналы же Д. Федорченко, руководившего раскладкой промыслового налога в малых городах и в деревнях Томского уезда в 1907 г., позволяют получить представление о причинах принятия того или иного решения. Коллекция этих документов и положена в основу настоящего исследования.

Кто торгует, чем торгует, где торгует

Первое, что следует выяснить при анализе «журналов рассмотрения возражений», — это применявшийся к проверке заявлений подход — на основании каких данных присутствие обсуждало претензии предпринимателей. Общее число предприятий, привлеченных к раскладке во 2-м Томском участковом присутствии в 1907 г., составляло 976. Трудно поверить, что по каждому из них присутствие могло знать точное положение дел. Ведь работа раскладочных присутствий касалась не акционерных предприятий, обязанных вести правильную бухгалтерию, а так называемых «неотчетных», финансовой отчетности не сдающих. Выборные члены присутствия приходили обсуждать заявления и возражения в свободное от работы время, и у них явно не было возможностей для дополнительного исследования, как и у податного инспектора, занятого многочисленными делами по разным налогам. Даже сама система установления «нормального процента прибыльности» для каждой отрасли (и дальнейшего расчета прибыли на основе этого процента) показывает, что законодатель и не предполагал индивидуального знакомства податного надзора с каждым предприятием. Как же в таком случае можно было обсуждать прибыль отдельных предприятий? Выясняется, что присутствия использовали как частные сведения по тому предприятию, которое обсуждалось, так и общие данные по отрасли или местности.

Проиллюстрируем первый способ рассмотрением жалобы Е. Ф. Лоскутова из села Нагорный Иштан Нелюбинской волости, которому вменили 400 руб. прибыли. Плательщик объяснял, что местные крестьяне живут лесным промыслом; сбывая дрова, часто бывают в Томске

⁸ РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 263. Л. 329об.–330.

⁹ См.: Кириллов А. К. Стиль работы раскладочного присутствия и личность податного инспектора в Томской губернии начала XX в.: фактор чиновника в эпоху становления подоходных налогов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 125–134.

и там покупают все необходимое. «Если бы здесь было хлебопашество, тогда, понятно, крестьянам некогда было бы разъезжать в город, следовательно... я имею грошовые дивиденды и... <прибыль> не превышает 100 рублей в год, ибо в редких случаях являются покупатели, когда чего-то не хватит у крестьян до их следующей поездки в город», — заявлял Лоскутов. Его возражение присутствие опровергло коротко: «Главнейшая часть его торговой деятельности — поставка разных товаров и съестных припасов на пароходы... Поставка эта приносит Лоскутову ежегодно, за время навигации, до 400 руб. прибыли».¹⁰ Следовательно, присутствие в данном случае знало о торговых операциях лавочника, которые тот пытался скрыть.

Сведения членов присутствия касались не только операций, но и личности торговцев. Новониколаевская торговка хлебом У. Л. Филиппова, ссылаясь на высокие расходы на ведение дела (содержание помещения, зарплата «служащим и подручным», содержание их и цена кредита), просила вместо 3 000 руб. прибыли вменить ей лишь 800 руб. Присутствие не только привело собственные, гораздо более низкие цифры расходов Филипповой и отвергло утверждения о кредите (так как она никакого кредита не имела «вследствие злостного банкротства [ее] мужа»), но и упрекнуло ее в непредоставлении ежедневных записей расхода и дохода, которые вел ее муж, «заведующий всем делом, человек очень грамотный».¹¹ Судя по словам о злостном банкротстве (мошенническом отказе платить по долгам), случай супругов Филипповых был не совсем обычным, но, как бы то ни было, в словах присутствия заметно доскональное знакомство с персонами, оказавшимися в центре внимания, и их финансовым положением.

Значительная характеристика торговцев и их предприятий была приложена к возражению Ф. М. Перова, торговавшего мясом на Базарной площади Новониколаевска. Оно рассматривалось первым из четырех почти дословно совпадающих заявлений от новониколаевских мясников, и прежде чем отвечать каждому по отдельности, присутствие дало общее описание местного мясного рынка. В нем были названы поименно 16 мясников, распределенных с учетом объема их торговли по трем группам (в наивысшей — по 2 000 «скотин» в год на предприятие). Вся история их торговли ока-

залась известна присутствию: «Некоторые из крупнейших мясоторговцев, именно Гридчин, Демидов и Сапогин три года тому назад торговали еще со столов, покупая по одной скотине и не имея почти никаких средств. Теперь же, благодаря счастливо сложившимся для них обстоятельствам, являются одними из самых крупных и имеют порядочный оборотный капитал».¹²

Не реже встречаются и такие случаи, когда присутствие использовало второй из названных способов обсуждения возражений, опираясь на общие сведения о данной местности или отрасли. Так обсуждалось, например, возражение владельца меблированных комнат в Новониколаевске С. В. Лазарева. Перечислив все необходимые расходы по своему делу (1 514 руб.), он с чувством восклицал: «Может ли при таком громадном, но необходимом расходе очиститься 750 руб. прибыли?» Присутствие в ответ заявило, что номера Лазарева находятся близ вокзала, и по причине удачного расположения «бывают заняты постоянно». С учетом известной «средней цены» за подобные номера присутствие выводило доход в 3 000 руб. годовых, так что даже за вычетом указанных плательщиком расходов вмененная ему сумма выглядела скорее заниженной, чем завышенной.¹³ В данном случае присутствию достаточно было знать примерные гостиничные цены и степень востребованности комнат вблизи вокзала, чтобы опровергнуть возражения плательщика.

Еще один вид общих обстоятельств был связан с меняющимися условиями времени. П. А. Григорьев, содержатель буфета при железнодорожной станции Литвиново, в качестве доказательства явного упадка своей торговли приводил тот факт, что даже правление железной дороги снизило плату за аренду буфета с 800 до 150 руб. Присутствие возразило, что это снижение произошло уже в 1907 г., тогда как налог взыскивается за 1906 г. Попутно присутствие не упустило случая добавить, что при определении размеров прибыли за тот год «были уже приняты во внимание новые условия торговли, наступившие для станционных буфетов вследствие прекращения перевозки войска и увеличения арендной платы за право содержания буфетов на станциях Сибирской железной дороги».¹⁴ Говоря про повышение (а не понижение, вопреки Григорьеву) арендной платы, присутствие, очевидно, имело в виду повышение ее в недавнем

¹⁰ ОГКУ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 461. Л. 131–133об.

¹¹ Там же. Л. 189–191об.

¹² Там же. Л. 141–143об.

¹³ См.: Там же. Л. 125–127об.

¹⁴ Там же. Л. 82об.

прошлом и хорошо представляло выгоды торговцев в военное время.

Иногда общие и частные соображения в журналах присутствия сочетались. В качестве одного из многочисленных примеров можно привести ответ на возражение М. П. Геймана, владельца мелочной лавки в с. Варюхинском. Прося сократить ему вмененную прибыль с 600 до 300 руб., он ссылаясь на другого торговца того же села, которому, по словам Геймана, начислили меньше налога при большем размере торговли. В резолюции присутствия указывалось, что большое село Варюхинское находилось на Московском тракте, «по которому и в настоящее время идут обозы из Кузнецкого и отчасти Барнаульского уездов в г. Томск с продуктами сельского хозяйства, а зимой с мясными тушами, салом и кожами». Оно к тому же являлось волостным центром, «в который по своим частным и служебным делам стекается окрестное население, и где ему приходится проживать иногда по несколько дней сряду в большом числе, напр. во время сходов, волостных судов и разных собраний уполномоченных». Два этих общих довода подкреплялись персональным: «Присутствию, кроме того, известно, что Гейман, кроме торговли мелочными товарами отправляет зимою в Томск для продажи мясные туши, продавая таковых не менее как 2 000–3 000 руб. в год».¹⁵ Вероятно, общие доводы в глазах присутствия доказывали неправоту претензий Геймана на уровень заурядной деревенской лавочки; персональные же сведения ставили под сомнение указание на то, что сосед, на которого ссылаясь торговец, был богаче.

Суммируя сказанное про методы оценки возражений, можно сделать вывод, что раскладочное присутствие оказывалось достаточно квалифицированным, чтобы дать достоверную оценку каждому плательщику. Каждую из поданных жалоб присутствие могло оценить по существу: либо благодаря знанию именно этого предприятия, либо благодаря общим соображениям о данном виде торговли или данной местности.

*Члены присутствия, торговые депутаты
и «сведущие лица»*

Но остается пока неясным, за счет чего присутствие располагало необходимыми сведениями. Играли ли какую-либо роль сведения, получаемые от выборных членов присутствия, или эти последние были лишь статистами, у-

верждающими предложения инспектора? Некоторые высказывания позволяют уверенно говорить об активной роли в этом деле выборных.

Прежде всего, выборные высказывали общие суждения, действующие для целой отрасли. Владелец мясной лавки в Новониколаевске Д. И. Ивлев подтолкнул раскладочное присутствие к рассуждению о том, какой может быть минимальная доходность местной торговли. Ивлев считал завышенной вмененную ему прибыль в 300 руб. «Не токмо, что 300 р., а если бы 50 руб. в течение всего года выручить, и то бы бога можно благодарить», — утверждал он. В ответ инспектор изложил сначала свои личные наблюдения на эту тему, а затем подвел итог: «По твердому убеждению Присутствия самая захудалая мелочная торговля дает в Новониколаевске в настоящее время не менее 300 руб. чистого дохода. Убеждение это у членов присутствия составилось на основании личного опыта, так как двое из членов сами являются оптовыми торговцами, продающими товар мелочным лавкам Новониколаевска и южной половины уезда, а третий служит управляющим делами самой крупной оптовой торговли Томского уезда — Жернакова. Лавки же, торгующие наряду с мелочным товаром еще и мясом, как напр. лавка жалобщика Ивлева, без всякого сомнения выручают в год не менее 3 000 р.»¹⁶ Итак, члены присутствия хорошо представляли состояние местной оптовой и розничной торговли, поскольку сами были крупными предпринимателями.

Широкий круг личных связей подразумевал и персональное знакомство с отдельными торговцами и их предприятиями. Об этом упоминалось, например, при рассмотрении возражений Ф. Д. Толстова, владельца бакалейной лавки в селе Подломском Семилужной волости. Придя в ужас от необходимости уплатить 16 руб. дополнительного промыслового налога с назначенной ему прибыли в 400 руб., торговец восклицал: «Даже неопытному в деле торговли человеку стоит только взглянуть на количество товара в лавке, чтобы убедиться, что прибыли в 400 руб. не было и не может быть». Присутствие, споря с ним, не только отметило выгодность для торговцев местных экономических условий (население почти не занималось хлебопашеством, а продукты покупало у лавочников), но и выразилось более определенно: «Одному из членов присутствия, хорошо знающему

¹⁵ Там же. Л. 77–78об.

¹⁶ Там же. Л. 97–98об.

торговые заведения северного района Томского уезда, известна также и мелочная торговля Толстова. По его мнению, разделяемому и другими членами присутствия, в данном случае оборот и прибыль исчислены соответственно действительным и понижения не требуют».¹⁷

Как видно, в данном случае сыграла роль «географическая специализация» членов присутствия. Иной пример подобной специализации видим в деле А. П. Злоказова, владельца кожевенного заведения в Колывани. Его сетования на то, что торгует он всего лишь один день в неделю и только товаром собственной выделки, были опровергнуты разносторонним описанием экономического положения его кожевенного завода и мастерской с указанием на то, что упадок его торговли вследствие конкуренции изначально был учтен при раскладке (сумма налога существенно снижена против предыдущего года). Это описание открывалось такими словами: «Присутствию, в особенности же членам его от г. Колывани, хорошо известна торговая деятельность жалобщика», — из чего следует, что небольшой старинный город Колывань имел собственное представительство в раскладочном присутствии.¹⁸

Хорошо известен был присутствию и поселок Тайга — один из быстро растущих населенных пунктов, появившихся благодаря строительству Транссиба (в начале 1911 г. он получит уже статус безуездного города). Нахичеванская мещанка Р. Л. Дугуева, содержавшая здесь фруктово-бакалейную лавку, собственноручно писала в возражении: «...Хотя я от этого платежа не отрицаю, но по моей торговле я нахожу от двух и до трех рублей не больше, так что у меня и товару в лавке всего не больше как на сто рублей едва ли сдается себе на содержание хватает, в чем и подписуюсь». Возражение это было опровергнуто с такой ссылкой на источник информации: «Ежедневная ее выручка по показаниям проживающих в Тайге сведущих лиц и торговых депутатов колеблется от 15 до 35 р., следовательно, годовой оборот никак не ниже 6 000 рублей».¹⁹ Ссылка на «сведущих лиц» и «торговых депутатов» в данном случае указывает на то, что инспектор мог привлекать информаторов с правом совещательного голоса. Даже не имея права голосовать, они, как видим играли значительную роль в принятии решений, озвучивая известные им факты.

Еще одна разновидность отсылки к представителям местного общества обнаруживается в деле М. Я. Магазова, торговавшего в том же поселке Тайга. Пытаясь воспользоваться законодательной лазейкой, освобождавшей от дополнительного налога «первогодные предприятия» (действующие первый год), он ежегодно переоформлял свое дело на новое подставное лицо. Эта хитрость была легко раскрыта присутствием. Заявлению же о малой доходности торговли в Тайге присутствие противопоставило следующие показания: «Предприятие его является в Тайге самым крупным и носит характер большого городского предприятия с большим числом приказчиков и хорошим подбором разных товаров... Торговые депутаты и проживающие в Тайге единогласно утверждают, что оборот этого предприятия равняется определенному присутствием. Многие утверждают, что таковой превышает 100 000 руб., а аптекарь Берсудский определяет его в 150 000 р.».²⁰

Упомянутые и в этом объяснении «торговые депутаты» были известной категорией должностных лиц местного самоуправления.²¹ Они следили, чтобы никто не торговал без промысловых свидетельств, и сообщали о нарушениях податному инспектору. Уместно здесь упомянуть, что как раз от названного выше аптекаря Н. Н. Берсудского имеется единственный критический отзыв о депутатах. В своем собственном возражении против вмененной ему прибыли (оно тоже было «оставлено без последствий») он высказался так: «Раскладочное присутствие, по-видимому, доверилось этим “торговым депутатам”, не пользующимся ничьим доверием и уважением. И думаю, что такие лица, как Магазов, попавшийся в скупке краденного вагона чая, не могут пользоваться доверием кого-либо, а попали подобные типы в торговые депутаты только благодаря разным запугиваниям».²² Обнаружилась забавная подробность: Магазов, разоблаченный торговыми депутатами, оказывается, и сам был торговым депутатом! Утверждение Берсудского позволяет также думать, что должность торгового депутата была не только обременительной, но и привлекательной, в том числе, вероятно, и из-за возможности влиять на раскладку промыслового налога.

²⁰ Там же. Л. 135–137об.

²¹ См.: Яковлева Т. Г. Торговля по правилам и без. Власть и торговцы в Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в. СПб., 2021. С. 103–115.

²² ОГКУ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 461. Л. 450б.

¹⁷ ОГКУ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 461. Л. 184–187об.

¹⁸ Там же. Л. 93–94об.

¹⁹ Там же. Л. 87, 88об.

Еще одна категория информаторов встречается в деле новониколаевского мелочного торговца Ф. Г. Рябоштанова, считавшего вмененную ему прибыль в 2 000 руб. на порядок завышенной. Одним из главных доводов против его жалобы, наряду с собственными сведениями членов присутствия, было то, что «соседи по торговле Рябоштанова передавали <при> проверке их заведений собственное заявление Рябоштанова, сообщенное частным образом в разговоре, по которому дневная выручка его составляет от 75 до 100 руб.».²³ О причинах этого поступка «соседей» можно только догадываться. Возможно, таким путем они пытались выгородить себя или хотели насолить конкуренту.

Пример М. Н. Верхова, торговавшего тканями в «мануфактурном ряду» на базаре Новониколаевска, позволяет более основательно судить о мотивах привлеченных присутствием «сведущих лиц». Как записано в «журнале рассмотрения» его возражений, «по общему мнению торгующих в этом ряду, Верхов торгует удачнее всех, исключая находящихся здесь же двух магазинов Жернаковых. Товар покупает из первых рук в Москве и Нижнем и привозит его в течение года несколько раз, что указывает на быстрое обращение капитала. Во всякое время можно найти в его лавке тысяч на 20 всякого товара, главным образом, мануфактурного».²⁴ На этот раз, поскольку речь идет о сравнении («удачнее всех»), кажется, что показания соседей-торговцев обусловлены именно завистью к более успешному конкуренту.

Подытоживая указания на роль предпринимателей в определении прибылей плательщиков промыслового налога, можно утверждать, что успешная работа присутствий во многом обеспечивалась сведениями от предпринимателей, которые сообщали инспектору размер и состав торговых операций жалобщиков, разоблачали хитрость тех, кто искал лазейки в законе, обеспечивали представление об экономических условиях в разных местностях и отдельно взятых отраслях. При этом играло роль наличие официальных представителей — членов присутствия с правом голоса — от разных населенных пунктов. Важно было и наличие среди членов присутствия крупных торговцев, имевших связи с мелкими предпринимателями. В дополнение к членам присутствия, в принятии решений играли роль официально выбранные торговые депутаты, а также привле-

ченные самим инспектором «сведущие лица». Есть веские основания полагать, что существенную роль в даче показаний играла конкуренция между плательщиками.

Особые обстоятельства и профессиональная солидарность

Приведенные факты из практики податных присутствий и сделанные нами наблюдения демонстрируют, что основания, заложенные законодателем в деятельность этих вспомогательных налоговых учреждений, оказались действенными. Членам присутствия было невыгодно удовлетворять возражения своих собратьев, поскольку, как уже упоминалось, списанную с одного сумму раскладочного сбора следовало разложить на других (и как минимум ухудшить с ними отношения, даже если не увеличить собственный платеж). Всем плательщикам было невыгодно уменьшать налоги для своих конкурентов, и это побуждало их сообщать инспектору факты, не лежащие на поверхности.

Вместе с тем были и такие решения, которые с этой узкокорыстной точки зрения кажутся нелогичными, поскольку устанавливали снижение налога. Удовлетворялись возражения плательщика нечасто: не более чем в одном из десяти случаев присутствие соглашалось признать свою ошибку. Еще меньше встречается таких случаев, когда имелись основания увязать выгодное для плательщика решение с мнением его товарищей, а не податного инспектора.

Два из трех таких случаев похожи и касаются владельцев лавочек («торговое заведение 3-го разряда») в пос. Тайга П. В. Абросимова и И. И. Иноземцева. Возражения обоих предпринимателей были совершенно безосновательными с точки зрения закона о промысловом налоге. Первый без каких-либо доказательств заявлял, что его оборот завышен присутствием втроекратно; второй вообще приводил в качестве довода примерную оценку ежедневных прибылей 1907 г. (а речь шла о раскладке налога за 1906 г.). Обычно такого рода заявления легко отклонялись присутствием как «голословные» или «на основании имеющихся у членов присутствия сведений».

Однако выяснилось, что Абросимов призвался на Русско-японскую войну. Как сказано в резолюции присутствия, «торговые депутаты пос. Тайга Магазов и Желнин, а также и некоторые из торгующих, как, например, Панфилов, Шаевич, Иноземцев и др. определяют оборот его торговли за прошлый год в 3 000 р., указывая на

²³ Там же. Л. 167–169об.

²⁴ Там же. Л. 72об.

то, что до войны Абросимов торговал вдвое лучше, но затем, вследствие его отсутствия, оборот его торговли постепенно падал».²⁵ То же оказалось и в случае с Иноземцевым: «Мелочная лавка Иноземцева, торговавшая в прежние годы очень бойко, очутилась, вследствие призыва владельца на действительную службу во флоте во время последней кампании, в том же положении, что и торговля Абросимова... По общему удостоверению торговых депутатов Тайги и торгующих в ней, торговля в этой лавке по причине неумелого ведения ее женой просителя сильно пала и со времени возвращения владельца не успела еще дойти до прежнего состояния».²⁶

Удивляет, что ни Абросимов, ни Иноземцев не указывали на военную отлучку в своих возражениях. Эти факты выяснились только благодаря «сведущим лицам»: и торговым депутатам, и даже простым торговцам — «коллегам» (и значит, в той или иной степени конкурентам) этих торговцев. Но в данном случае военные обстоятельства, которые, несомненно, вызвали финансовые потери, безоговорочно признавались членами присутствия уважительными.

Однако совсем иными были обстоятельства В. К. Понганского, еще одного третьеразрядного торговца из Новониколаевска. Его возражение само по себе, как и в предыдущих двух случаях, не выделялось из ряда наивных сетований на дороговизну ведения дела и преувеличенные присутствием доходы. Более того, против этих сетований имелся на редкость сильный довод: на полях заявления инспектор язвительно указал, что Понганский строит «большой 2-этажный каменный дом», который обойдется ему не менее чем в 20–25 тыс. руб. (тогда как назначенный ему налог составлял менее 30 руб.). Тем не менее сумма вмененной Понганскому прибыли была снижена вдвое (а налог — даже втрое). Выяснилось, что новые железнодорожные постройки на ст. Обь загородили проезд к его лавке, что «отразилось на выручке, уменьшившейся наполовину».²⁷ Хотя в возражении плательщика об этом ничего не говорилось, выгодное для него обстоятельство было установлено благодаря членам присутствия. Учитывая скептическое отношение к жалобе со стороны инспектора (выразившееся в надписи на полях), можно с уверенностью говорить о том, что Понганский выиграл благодаря выборным представителям.

Можно увидеть нечто общее между призывом владельца лавки на войну и строительством, перекрывающим доступ к лавке. И то, и другое — это не просто трудности из числа тех, что подстерегают всех предпринимателей и зачастую приводят к закрытию дела. Это трудности, созданные центральными или местными властями. В этом смысле можно говорить о своеобразной профессиональной солидарности предпринимателей: если коммерческие риски воспринимались ими как нечто неизбежное, то вмешательство властей замещало чувство конкуренции чувством локтя.

Подытоживая все изложенное, можно кратко описать механизм действия присутствий по промысловому налогу. Ключевую роль играло привлечение в эти учреждения представителей крупных фирм, которые знали почти всех местных торговцев и производителей просто за счет заключаемых с ними сделок, а в остальных случаях знали внешние условия, определявшие прибыльность. Это позволяло отклонять большинство жалоб на основании действительных сведений.

Самых членов присутствия инспектор тоже контролировал, в том числе за счет данных, получаемых от избираемых на местах торговых депутатов, а также «сведущих лиц» — добровольных информаторов, которым было важно не допустить чрезмерного усиления конкурентов. В то же время действовала и профессиональная солидарность, которая побуждала плательщиков настаивать на снижении налоговых платежей некоторым своим «собратьям». Имеющиеся примеры позволяют думать, что профессиональная солидарность срабатывала в тех случаях, когда доход торговцев страдал из-за действий властей.

Равнодействующая этой системы разнонаправленных сил была, в представлении современников, хоть и не идеальной, но достаточно приемлемой для того, чтобы форма податных присутствий, опробованная на промысловом налоге, была в период с 1893 по 1916 гг. распространена и на квартирный налог, и на подоходный, и на налог с городской недвижимости. Можно сказать, что податные присутствия стали преобладающим механизмом определения платежей в российской налоговой системе, в котором довольно гармонично осуществлялось деловое взаимодействие государства и предпринимательства.

²⁵ ОГКУ ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 461. Л. 25–27об.

²⁶ Там же. Л. 100–103об.

²⁷ Там же. Л. 150–152об.

Alexey K. Kirillov

Candidate of Historical Sciences, Novosibirsk State Technical University (Russia, Novosibirsk)

E-mail: alkir.nsk@gmail.com

BUSINESS TAX COMMISSION AS A FORM OF INTERACTION BETWEEN ENTREPRENEURS AND OFFICIALS IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY (BASED ON MATERIALS FROM TOMSK PROVINCE)

The repartitional commissions for business tax in late imperial Russia gave room to the interaction between entrepreneurs (elected representatives of the taxpayers) and officials (tax inspectors) who determined jointly the amount of the supplementary business tax for each of the taxpayers. However, the mechanism of working out these decisions has not been investigated yet. This task can be fulfilled due to the fact that some taxpayers filed appeals against the tax apportionment, and the repartitional commissions that considered those appeals were obliged to report their considerations with a special journal. The article is based on the analysis of a collection of journals of one of the Tomsk uezd repartitional commissions, distinguished by an unusually detailed presentation of the results of the appeal discussions. It is proven that the commission, without using their right of rejection for formal reasons, was able to evaluate all the submitted appeals with full knowledge of the facts. In many cases, it was the elected members of the commission that provided the necessary information. Often the source of information was trade deputies (elected representatives of entrepreneurs who were not members of the repartitional commission) or “competent persons” whether attracted by the tax inspector or speaking on their own initiative. As a rule, successful interaction between inspector and entrepreneurs was ensured by a sense of competition, which prompted merchants to indicate the hidden profits of their neighbors. But in some cases, when the interests of taxpayers were infringed upon by the actions of the authorities, entrepreneurs revealed a sense of professional solidarity and achieved a tax reduction.

Keywords: *late imperial Russia, economic history, tax reform, tax commissions, trade deputies*

REFERENCES

- Kirillov A. K. [The Working Style of the Business Tax Distribution Office and the Tax Inspector's Personality in Tomsk Governorate in the Early 20th Century: The factor of an Official in the Epoch of Income Taxes Formation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2022, no. 482, pp. 125–134. (in Russ.).
- Kirillov A. K., Kosykh E. A., Reznikova M. A. [Tax Office in a Dispute with Taxpayers: Finding Out the Incomes of Tomsk Residents Received in 1916]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 2023, vol. 30, no. 1, pp. 80–87. (in Russ.).
- Kiselev A. G. [Siberian Firm: Definition of Profit and Loss (Late 19th — Early 20th Century)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2010, iss. 40, no. 15 (196), pp. 64–67. (in Russ.).
- Kotsonis Ya. *States of Obligation: Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic*. Toronto: University of Toronto Press, 2014. (in English).
- Kravtsova E. S. [The Specifics of the Taxpayers' Presences Activities in the Russian Empire of the Late 19th — Early 20th Centuries]. *Istoricheskiye vyzovy i ekonomicheskoye razvitiye Rossii: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Historical Challenges and Economic Development of Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Ekaterinburg: Alfa Print Publ., 2019, pp. 217–222. (in Russ.).
- Kravtsova E. S. *Istoriya sbora nalogov v rossiyskoy provintsii na rubezhe XIX–XX stoletiy* [History of Tax Collecting in the Russian Provinces at the Turn of the 19th–20th Centuries]. Kursk: KGMU Publ., 2007. (in Russ.).
- Lamb M. “Horrid Appealing”: Accounting for Taxable Profits in Mid-Nineteenth Century England. *Accounting, Organizations and Society*, 2001, vol. 26, no. 3, pp. 271–298. (in English).
- Lamb M. Defining “Profits” for British Income Tax Purposes: A Contextual Study of the Depreciation Cases, 1875–1897. *The Accounting Historians Journal*, 2002, vol. 29, no. 1, pp. 105–172. (in English).
- Lamb M. *Tax Practice in the United Kingdom and the Emergence on Interrelations between Accounting and Taxation of Business Profits: Unpublished PhD thesis*. 1997. (in English).
- Yakovleva T. G. *Torgovlya po pravilam i bez. Vlast' i torgovtsy v Eniseyskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.* [Trade by Rules and Without. Power and Traders in the Yenisei Governorate in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta v Sankt Peterburge Publ., pp. 20–21. (in Russ.).

Для цитирования: Кириллов А. К. Присутствия по промысловому налогу как форма взаимодействия предпринимателей и чиновников в России начала XX в. (на материалах Томской губернии) // Уральский исторический вестник. 2025. № 3 (88). С. 55–63. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-55-63.

For citation: Kirillov A. K. Business Tax Commission as a form of interaction between entrepreneurs and officials in Russia at the beginning of the 20th century (based on materials from Tomsk province) // Ural Historical Journal, 2025, no. 3 (88), pp. 55–63. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-55-63.